

Давным-давно, когда Чу Вэй был еще совсем ребенком, он никак не мог понять, почему деревенские ребяташки чураются его и не зовут играть. Может, потому, что его дом стоял на самом отшибе, а может, из-за того, что сам он не отличался красноречием и не умел заискивать перед другими.

Впрочем, все это быстро потеряло значение. Стоило в его жизни появиться Шифу, как будни наполнились заботами: каждый день проходил в учебе и тренировках, так что чужая неприязнь или дружелюбие перестали его волновать.

В те годы Чэн Даню был, пожалуй, единственным, кто упрямо и преданно таскался за ним повсюду.

Хотя сам Чу Вэй куда больше любил оставаться в одиночестве.

Ведь только наедине с собой он мог поговорить с Шифу.

Со временем Даню стал его единственным настоящим другом в деревне. Именно от него Чу Вэй узнавал все местные сплетни и забавные истории.

Он искренне верил, что они останутся друзьями навсегда. Но стоило начаться учебному году, как Чу Вэй заметил: Чэн Даню его избегает.

Даню смотрел на Чу Вэя, и его глаза подозрительно блестели.

— Весь этот семестр ты только и делал, что крутился возле Хуа Хайцзюня! Мне и слова сказать тебе не давали, а когда я сам пытался подойти, ты отворачивался. Ты что, правда решил навсегда вычеркнуть меня из своей жизни?

Чу Вэй посмотрел на этого смуглого, нескладного здоровяка, словно впервые видя его по-настоящему.

Он медленно спросил:

— И почему же то, что я общаюсь с Хуа Хайцзюнем, мешало тебе заговорить со мной?

Даню упрямо вздернул подбородок и буркнул:

— Да потому что он богач! Заносчивый тип. Такие, как он, презирают нас, деревенщин. Мне с ним говорить не о чем.

Чу Вэй не улавливал в этих словах логики, но Даню говорил настолько серьезно, будто в его

упрямых рассуждениях крылась абсолютная истина.

Но сейчас это не имело значения. Чу Вэю хотелось прояснить лишь одно.

— Когда начался семестр, почему ты не поехал со мной?

Прошел целый учебный год. И теперь, внезапно объявившись, Даню заводит этот разговор — разве не странно? Чу Вэй решительно не понимал мотивов друга.

Даню замялся, замямлил, не в силах связать и двух слов.

В груди Чу Вэя поднялась глухая волна раздражения. Ему расхотелось слушать оправдания. Кто бы ты ни был, ты должен отвечать за свои поступки — даже за самые незначительные решения.

Он с холодным видом развернулся, собираясь уйти. Даню оцепенел на секунду-другую, но тут же бросился вдогонку.

— Чу Вэй, я не нарочно бросил тебя тогда! У меня... у меня были причины!

Даню было невыразимо тяжело. Эти слова жгли его изнутри весь семестр.

Чу Вэй замер, обернулся и в упор посмотрел на него.

— Хорошо. Я даю тебе шанс объясниться.

Даню судорожно сглотнул, его пальцы, сжатые в кулаки, побелели.

— Я... я узнал тайну. Ты ведь не местный. Ты вообще не из нашей деревни. Тебя... тебя украли и продали сюда ребенком.

— Знаешь, почему с тобой никто не хотел играть? Все из-за того... что тебя считали проклятым. Настоящим вестником несчастий.

На мгновение Чу Вэю показалось, что он ослышался.

Похищение? Проклятие?

О чем вообще лепечет Чэн Даню?

Заметив замешательство друга, Даню торопливо заговорил:

— Ты, наверное, не знаешь, но в тот год, когда тебя привезли, в деревне без всякой причины передохла куча скотины и птицы. Поползли слухи, будто ты... проклятый ребенок, приносящий беду. Тебя хотели вышвырнуть из деревни, и только твой дедушка настоял, чтобы тебя оставили.

Пальцы Чу Вэй непроизвольно сжались, спина мгновенно одеревенела.

Слегка приоткрыв пересохшие губы, он тихо спросил:

— Откуда тебе это известно?

— Перед началом учебы... отец рассказал, — пробормотал Даню.

— И ты, конечно же, поверил.

Чу Вэй вскинул голову и пристально посмотрел на здоровяка.

Они выросли бок о бок. Были не разлей вода. Но детская дружба рассыпалась в прах перед лицом нелепых деревенских бредней.

Даню замахал руками:

— Я сначала не поверил! Но ты... ты ведь всегда так сильно отличался от нас. Я просто растерялся, да еще и отец накрутил... Чу Вэй, я правда не хотел, чтобы так вышло!

— Весь этот семестр ты со мной не разговаривал. Если бы ты знал, как мне было паршиво! Сколько раз я пытался подойти, но тебя вечно не было, или ты торчал с этим Хуа Хайцзюнем. Кое-как дождался каникул... Прости меня, а? Давай забудем все и будем дружить как раньше?

— Я поговорю со своими, все им объясню. Скажу, что ты не проклятый...

— Не нужно, — оборвал его Чу Вэй, не дав договорить.

— Деревенские правы. Я действительно не один из вас. Проклятый я, великий мастер или кто-то еще — неважно. На этом всё, Чэн Даню. Поставим точку.

Чу Вэй никогда не считал себя прекраснодушным добряком. Дедушка частенько журил его за излишнюю мягкость, но, на взгляд самого юноши, именно дедушка был неисправимым альтруистом.

Только дедушки больше нет. И последнее, что связывало его с этой глухой деревней, исчезло навсегда.

В отношениях с близкими Чу Вэй не терпел фальши. Доверие — хрупкая штука: если появилась трещина, склеить её уже невозможно.

Больше не проронив ни слова, Чу Вэй зашагал прочь, не оборачиваясь.

Даню остался стоять на месте. Глядя в спину уходящему другу, он в отчаянии выкрикнул:

— Чу Вэй! Да ты хоть знаешь, что про тебя говорят? Будто ты продался за богатую жизнь! Ты же никогда ни к кому не тянулся, а в этом семестре от Хайцзюня не отлипал. Не будь у него денег, стал бы ты с ним якшаться?!

Чу Вэй на мгновение притормозил. «Надо же, каким слепцом я был все эти годы», — промелькнуло в голове.

Он даже не повернул головы. Сделав несколько быстрых шагов, он скрылся из виду, оставив Даню наедине с его злостью.

«Дедушка, сегодня я узнал кое-что странное. Говорят, я тебе не родной внук. И вообще чужак в этих краях. Вся деревня об этом знала, кроме меня одного. Это правда?»

«Хотя какая разница — правда или ложь. В моем сердце ты всегда будешь моим настоящим дедушкой. Жаль только, что я не успел отблагодарить тебя за все, что ты для меня сделал».

«Дедушка, теперь я вряд ли буду сюда возвращаться. Твоя душа чиста, в следующей жизни ты обязательно переродишься в хорошей семье».

Чу Вэй стоял на коленях перед скромной могилой. Глядя на высеченные на плите знаки, он почувствовал, как глаза предательски защипало.

Слова Чэн Даню до сих пор набатом гудели в ушах.

Этот парень не умел лгать, а значит, каждое его слово было горькой правдой.

Все эти годы Чу Вэй жил в деревне изгоем, белой вороной. Он списывал это на особенности собственного характера и никогда не задумывался, что за этим кроется нечто большее.

Дедушка берег его покой и унес эту тайну с собой. Если бы не случайная вспышка откровения со стороны Даню, он, возможно, так никогда бы ничего и не узнал.

Впрочем, какая теперь разница? Столько лет прошло, он вырос, и жизнь его сложилась вполне счастливо.

Чу Вэй отвесил последний земной поклон и поднялся на ноги.

— Дедушка, я уезжаю. Очень далеко. Наверное, меня долго не будет, но ты не волнуйся, я обязательно вернусь навестить тебя.

Вдруг воздух рядом заколебался от мощного прилива духовной энергии. Чу Вэй резко обернулся. Рядом с ним стоял Шифу — тот самый, которого он не видел уже почти полгода.

За эти месяцы его образ окреп и уплотнился. Если не знать, что перед тобой бесплотный дух, его легко можно было принять за живого человека.

— Шифу! Где ты пропадал все это время? Я так скучал!

При виде наставника в душе юноши внезапно всколыхнулась затаенная детская обида.

Перед Чэн Даню он мог казаться каменным и непреклонным, дедушке мог обещать, что у него все отлично и деревенские сплетни его не трогают. Он мог сколько угодно твердить себе, что одиночество — это нормально, и никто не обязан крутиться вокруг него всю жизнь.

Но стоило Шифу появиться рядом, как вся напускная броня Чу Вэя осыпалась. Сердце сжалось от невыразимой тоски, а на глаза навернулись слезы.

— Расклеился. Ну что за рева, — послышался знакомый, бархатистый голос Хуа Жуна. В его мягком тоне сквозила привычная легкая усмешка, от которой у Чу Вэя сладко заныло в груди.

— Ты совсем перестал приходить ко мне... Я уже решил, что остался один-одинешенек на всем белом свете.

Чу Вэй редко позволял себе капризничать. В детстве, когда другие дети плакали на руках у родителей, его некому было обнять и утешить. Рано или поздно слезы иссякали, и он привык справляться со всем сам. Какой толк реветь, если никто не придет на помощь?

Из-за этого он казался намного взрослее своих сверстников, прячущихся под родительским крылом.

Хуа Жун медленно поднял руку. Широкий рукав его одеяния едва ощутимо скользнул по щеке юноши, а прохладная ладонь мягко опустилась на макушку, взъерошив волосы.

— Как ты можешь быть один? Даже если я не показываюсь тебе на глаза, помни: я всегда рядом.

Чу Вэй поднял голову. В его влажных, покрасневших глазах отражалось робкое сияние. Сейчас он совсем не походил на того уверенного в себе юного мастера, который лихо расправлялся с нечистью.

— Правда? — тихо, с затаенной надеждой спросил он.

Хуа Жун смотрел на юношу сверху вниз. В его глубоком взоре читалась целая буря чувств, бережно скрываемая за маской строгого самообладания.

— Правда. Ты можешь сомневаться во всем мире, но никогда не сомневайся в том, что твой Шифу всегда с тобой.

После этих слов обида и горечь растаяли без следа. Чу Вэй потянулся было к широкому рукаву наставника, чтобы уцепиться за него, как в детстве, но его пальцы поймали лишь пустоту, пройдя сквозь ткань. Он с легким вздохом опустил руку.

— Значит, если я позову тебя, ты сразу придешь?

Хуа Жун едва заметно помедлил, прежде чем ответить:

— Приду.

Получив обещание, Чу Вэй окончательно прибодрился. Он торопливо вытер лицо рукавом куртки и расплылся в улыбке.

— Шифу, одноклассник пригласил меня в гости на зимние каникулы. Поехали со мной в Столицу?

— А еще я подружился в сети с одним удивительным человеком. Странно так... мы ведь никогда не виделись вживую, но общаться с ним так легко и приятно, будто мы знакомы целую вечность.

— Хочешь, я вас познакомлю?

Они снова шли через лес, но на этот раз Чу Вэй был не один — Шифу шел рядом с ним.

Хуа Жун молча и внимательно слушал его сбивчивые рассказы обо всем, что произошло за последние полгода. Время пролетело незаметно, и когда сумерки окончательно сгустились над деревьями, они вышли к окраине города.

Впереди зашумели многолюдные улицы, слышались гудки машин и голоса прохожих. Чу Вэй понимал, что в толпе он не сможет свободно разговаривать с невидимым спутником, а значит, пришло время прощаться. Он остановился, глядя на наставника с плохо скрываемой грустью.

— Чем старше становишься, тем больше капризничаешь. Ступай, — мягко улыбнулся Хуа Жун и растаял в воздухе.

Чу Вэй укоризненно покачал головой, мысленно ругая себя за излишнюю сентиментальность. Собравшись с мыслями, он уверенным шагом направился к условленному месту.

Они договорились встретиться с Хуа Хайцзюнем в уютной чайной прямо у ворот школы.

— Ну ты и копуша! Я успел выдуть три стакана чая с тапиокой. Глянь на мой пузень — вылитый беременяш на пятом месяце! — запричитал Хайцзюнь, лениво поднимаясь из-за стола и закидывая на плечо легкий рюкзак.

Стоило Чу Вэю увидеть эту недовольную мину, как вся его меланхолия мгновенно испарилась.

Он давно заметил: молодой господин Хуа обладал редким даром разгонять любые тучи своей непроходимой, но очаровательной глупостью. От него так и веяло простодушным задором, рядом с которым грустить было решительно невозможно. И как только одноклассники умудрялись находить его «холодным и неприступным»? Наверное, смотрели на него сквозь призму его богатства.

— Ладно, шевелись! Сегодня твой личный гид покажет тебе, что такое настоящая столичная жизнь. Наша глухомань, конечно, берет своей девственной природой, но в остальном тут ловить решительно нечего.

Хайцзюнь спал и видел, как вернется в свою роскошную постель, ворвется в игровую комнату к приставке и наконец-то встретится со старыми столичными друзьями.

Полгода «школьной каторги» подошли к концу!

Чу Вэй в тысяча восьмой раз мысленно вздохнул и задался вопросом: где Шифу вообще откопал это чудо?

Они поймали такси до вокзала. Путь предстоял неблизкий: сначала на поезде до соседнего крупного мегаполиса, а оттуда — самолетом до Столицы.

Уже в вагоне поезда Хайцзюнь вдруг заговорщически придвинулся к Чу Вэю и зашептал на ухо:

— Слушай... ты же у нас вроде как пришелец с другой планеты, верно? А телепортироваться ты умеешь? Ну, чтобы раз — и мы на месте!

В фантастических дорамах все происходило именно так: когда героиня попадала в беду, главный герой-инопланетянин мгновенно переносился к ней сквозь пространство и эффектно спасал. Это выглядело чертовски круто!

Раз уж его сосед по комнате — пришелец, должен же он уметь что-то подобное?

Чу Вэй сделал глубокомысленный вид и подыграл другу:

— Не, телепортация не работает. Максимум могу на крышу запрыгнуть. В сериалах все врут, не верь им.

Хайцзюнь понимающе закивал:

— Ага, я так и думал. Эффектные появления с небес — это уж слишком.

За семестр Хайцзюнь настолько свыкся с мыслью, что Чу Вэй — инопланетный гость, что любые его необычные таланты без лишних вопросов списывал на «внеземное происхождение». Сам Чу Вэй уже давно оставил попытки что-либо ему объяснить.

Дорога выдалась суматошной. Короткие зимние каникулы обязывали спешить, так что они практически бегом перемещались между вокзалами, поездами и терминалами аэропорта.

Но когда они наконец заняли свои места в самолете, сон у Чу Вэя пропал напрочь.

Он впервые поднялся в воздух. Оказаться над облаками, на высоте в несколько тысяч метров — это было непередаваемо. В отличие от той давней, полной тревог поездки на поезде, сейчас он чувствовал себя свободным и окрыленным. Чу Вэй завороченно прильнул к иллюминатору, с детским восторгом разглядывая пушистые облака и вслушиваясь в объявления стюардесс.

А вот Хайцзюнь, едва устроившись в кресле, сладко захрапел и проспал весь полет.

Два часа пролетели незаметно, и шасси самолета мягко коснулись посадочной полосы столичного аэропорта Столицы.

Терминал поражал своими масштабами. Выйдя в зал прилета на втором ярусе, Чу Вэй почувствовал, как у него разбегаются глаза.

Огромный, сверкающий мегаполис разворачивался перед ним величественным полотном. Несмотря на глубокую ночь, аэропорт бурлил жизнью, сиял тысячами огней и гудел голосами прибывающих пассажиров.

Хайцзюнь лениво потер заспанные глаза, посмотрел на бодрого друга и со вздохом протянул:

— Знаешь, чему я больше всего завидую в вашей инопланетной биологии?

— Чему же?

— Способности обходиться без сна. В общежитии ты вечно вставал ни свет ни заря, ложился позже всех, а наутро выглядел огурчиком. Эх, мне бы такое здоровье!

Чу Вэй лишь усмехнулся в ответ, оставив замечание без комментариев. Разъяснять тонкости даосской медитации было слишком долго: во время транса его духовная энергия циркулировала по меридианам, полностью восстанавливая силы всего за пару часов. Версия с инопланетянами действительно подходила идеально.

— Слушай, ты столько возился со мной в школе, подтягивал по всем предметам... Давай теперь я буду твоим гостеприимным хозяином! Поехали ко мне домой, у нас куча свободных комнат.

Хайцзюнь преданно заглядывал другу в глаза, мысленно предвкушая, как обрадуется его младший дядя, когда увидит Чу Вэя у них на пороге.

Но Чу Вэй покачал головой:

— Спасибо за приглашение, но я уже забронировал отель через приложение.

Лицо Хайцзюня мгновенно вытянулось.

— Когда ты успел? Мы же договаривались, что я все устрою! Ты что, брезгуешь моим домом?

— Вовсе нет, — мягко пояснил Чу Вэй. — Просто я не привык стеснять людей. В гостях я буду чувствовать себя неловко и вряд ли смогу нормально выспаться. Отель — это просто место для ночлега, так всем будет проще. Мы ведь все равно будем каждый день видеться и гулять вместе.

Хайцзюнь попытался было поспорить, но быстро сдался. За прошедшие полгода он успел

изучить характер друга: если Чу Вэй что-то вбил себе в голову, переубедить его было практически невозможно.

За панорамными окнами аэропорта завывал ледяной столичный ветер. Зима здесь была куда суровее, чем в уезде Цин. Хайцзюнь зябко поежился и спросил:

— Ладно, в какой гостинице ты остановился? Давай я тебя подброшу, за мной как раз приехала машина с водителем.

В этот момент телефон Чу Вэя коротко звякнул. Экран осветился входящим сообщением. Глаза юноши радостно блеснули. Он убрал мобильный в карман и махнул рукой другу:

— Не нужно, за мной тоже приехали. Езжай спокойно.

Хайцзюнь, слегка надувшись из-за двойного отказа, укатил на своем роскошном представительском авто.

Он так и не заметил, что едва его машина скрылась за поворотом, на парковку аэропорта плавно заехал до боли знакомый черный седан.

Чу Вэй быстро сориентировался на парковке и издалека приметил высокую фигуру Хуа Жуна, стоявшего у капота автомобиля.

За прошедшие полгода мужчина ни капли не изменился — все тот же безупречный силуэт, приковывающий взгляды.

Чу Вэй со всех ног припустил к нему.

— Чего ты стоишь на холоде? Ветер же ледяной! Я ведь не маленький ребенок, сам бы нашел машину по номерам.

Хуа Жун приложил ладонь к его макушке и с теплой улыбкой заметил:

— А ты подрос.

Чу Вэй посмотрел на мужчину, который по-прежнему был выше его на целую голову, и забавно приподнялся на цыпочках:

— Мало. Надо бы еще вытянуться.

Ладонь Хуа Жуна плавно переместилась с макушки на затылок, легонько взъерошив волосы юноши.

— И так в самый раз, — мягко произнес он.

Чу Вэй не стал спорить о росте. Вместо этого он решительно распахнул дверцу машины и мягко подтолкнул мужчину на пассажирское сиденье.

— У тебя слабое здоровье, нечего простужаться на ветру.

— Мое здоровье уже в полном порядке, — шутливо запротестовал Хуа Жун, прежде чем закрылась дверь.

Но Чу Вэй лишь скептически покачал головой. При их последней встрече несколько месяцев назад мужчина беспрестанно кашлял и выглядел бледным как смерть. За такой короткий срок сильное истощение бесследно пройти не могло.

В салоне автомобиля было тепло и уютно пахло дорогим парфюмом и кожей.

Честно говоря, перед этой встречей Чу Вэй немного нервничал. Он опасался, что после долгой разлуки вживую общаться будет тяжело — все-таки переписка в мессенджере создает определенную дистанцию.

Однако стоило им оказаться рядом, как все сомнения улетучились. Хуа Жун обладал удивительным, почти гипнотическим обаянием: рядом с ним Чу Вэй мгновенно расслаблялся, забывая о всякой чинности и приличиях.

— На улице жуткий колотун, а ты сорвался посреди ночи. Я же говорил, что сам могу взять такси, дорогу я знаю.

Чу Вэй никогда не считал себя болтливым, но сейчас слова сами лились рекой — ему хотелось говорить и говорить, лишь бы заполнить пространство вокруг этого человека.

Цвет лица Хуа Жуна и впрямь выглядел куда лучше, чем во время их первой встречи в уезде Цин. Пропала болезненная восковая бледность, на щеках играл здоровый румянец.

— Ты впервые в Столице, — мягко отозвался он, поворачивая к нему голову. — Я просто не мог не встретить тебя.

— Да что со мной случится? Я давно не ребенок.

— Знаю, — улыбнулся Хуа Жун.

Тема возраста всплывала у них не впервые. Поскольку Чу Вэй все еще считался несовершеннолетним, их споры на эту тему обычно заходили в тупик. Но сейчас юноша решил прояснить ситуацию до конца.

— У меня день рождения в мае. Скоро Новый год, а там и до весны рукой подать. Мне исполнится восемнадцать. Я буду совершеннолетним, так что прекрати нянчиться со мной.

— Хорошо-хорошо, мой без пяти минут взрослый... господин, — усмехнулся Хуа Жун.

Чу Вэй и сам не понимал, почему его так задевает этот вопрос. Наверное, ему просто отчаянно хотелось стоять с этим мужчиной на равных, не чувствуя себя несмышленным малым.

Машина плавно выехала на скоростную эстакаду. Чу Вэй назвал адрес забронированного отеля.

Хуа Жун слегка нахмурился:

— Решил остановиться в гостинице?

— Ну да. Не на лавочке же мне спать.

Хуа Жун подался вперед, сокращая расстояние между ними, и тихо, почти интимно прошептал прямо на ухо юноше:

— Отмени бронь. Нечего транжирить деньги, у меня для тебя приготовлено отличное место.

Он оказался слишком близко. Его теплое дыхание коснулось шеи Чу Вэя, заставив того мгновенно оцепенеть. По спине пробежала щекочущая волна мурашек, а мысли в голове на секунду спутались.

Чу Вэй поспешно отодвинулся и покачал головой:

— Мой Шифу всегда говорил: бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Я не могу пользоваться твоей добротой.

Хуа Жун на мгновение лишился дара речи. Он откинулся на спинку сиденья, подперев подбородок ладонью, и с наигранной обидой протянул:

— А твой мудрый Шифу не говорил тебе, что друзья должны помогать друг другу?

— Нет, такого он не упоминал, — отрезал Чу Вэй.

— Но мне самому хочется сделать тебе приятно.

— Это неправильно.

Глядя на его забавную серьезность, Хуа Жун не удержался и слегка ущипнул юношу за щеку:

— Ты вообще считаешь меня своим другом? Друзья не считают, кто кому больше должен. Или, если я приеду к тебе в деревню, ты выставишь меня за дверь и заставишь искать ночлежку?

— Ну что ты! Конечно же нет, — поспешно возразил Чу Вэй. — Я бы с радостью тебя приютил... Просто у нас условия совсем другие, боюсь, тебе бы не понравилось.

Место, куда ущипнул его Хуа Жун, до сих пор приятно покалывало прохладой, но щеки Чу Вэя почему-то залил густой румянец.

Это было очень странное, незнакомое ему чувство.

— Вот видишь. Так в чем разница? К тому же завтра я хочу показать тебе Столицу. Я ведь обещал тебе сюрприз.

Против аргумента о сюрпризе Чу Вэй устоять не смог. Пришлось сдаться.

Тем временем машина съехала с шоссе и углубилась в элитный пригород. Чем дальше они продвигались, тем гуще становились деревья вдоль дороги. Местность явно шла на подъем.

— Твой дом на горе? — любопытствовал Чу Вэй, глядя в окно.

— Угу.

Горой это место можно было назвать с натяжкой — скорее, живописный холмистый массив с вековыми соснами и чистейшим воздухом. Настоящий заповедный уголок для элиты.

Вскоре они въехали на территорию закрытого охраняемого поселка. Особняк Хуа Жуна располагался на самой вершине холма, занимая доминирующее положение.

Когда Чу Вэй с рюкзаком за плечами вышел из машины, у него перехватило дыхание от масштабов поместья. Это была не просто роскошная вилла, а огромная, уединенная усадьба, раскинувшаяся на добрую половину холма.

Перед главным входом красовался изящный мраморный фонтан в виде двух переплетенных рыб, из пастьей которых тонкими струями изливалась вода. По обе стороны от мощеной дорожки простирался ухоженный зимний сад.

Всматриваясь в очертания усадьбы, Чу Вэй отчетливо уловил мощные потоки чистейшей духовной энергии, циркулирующей по территории.

Весь ландшафт поместья был выверен с ювелирной точностью. Но спроектирован он был не для привлечения богатства, а представлял собой настоящую формацию сбора духовной энергии — массив концентрации духовной силы!

Чу Вэй еще не слишком хорошо разбирался в сложных сакральных схемах, поэтому не спешил делать выводы.

Заметив его пристальный взгляд, Хуа Жун поинтересовался:

— Заметил что-то интересное?

Этот тон... он до боли напоминал экзаменующий голос Шифу. Чу Вэй инстинктивно выпалил:

— Это ведь формация сбора духовной энергии, верно?

Хуа Жун увлек его за собой к дверям:

— Почти угадал. Но здесь все устроено несколько сложнее. У тебя будет много времени, сможешь изучить все подробнее.

Внутри дома царило приятное тепло, хотя никаких обогревателей или кондиционеров видно не было. Судя по всему, микроклимат поддерживался исключительно за счет магических плетений.

Тот, кто создавал этот проект, определенно был выдающимся мастером геомантии и фэншуй.

— Мои покои на третьем этаже, — рассказывал Хуа Жун, ведя гостя по широкой винтовой лестнице. — Твою комнату приготовили прямо по соседству. Если что-то понадобится, просто постучи в стенку.

Поднимаясь следом, Чу Вэй впервые по-настоящему осознал, что такое безумное, ослепляющее богатство. В деревне такие интерьеры сочли бы музейными: каждый предмет мебели, каждая ваза или статуэтка стояли строго на своем месте, создавая гармоничный энергетический ансамбль.

И все это стоило баснословных денег.

Юноша не умел оценивать вещи в юанях, но его духовное чутье безошибочно распознавало древнюю, благородную ауру, исходящую от предметов декора. Повсюду был старинный, изысканный антиквариат.

— В гардеробной найдешь чистую домашнюю одежду твоего размера. Ее уже выстирали, — произнес Хуа Жун, распахивая перед ним дверь просторной спальни.

Комната выходила окнами на юг. Огромная стеклянная стена открывала потрясающий вид на ночную Столицу, раскинувшуюся у подножия холма. Мириады городских огней мерцали внизу, напоминая россыпь драгоценных камней на черном бархате.

— Прими душ и хорошенько отдохни. А завтра нас ждут великие дела, — с улыбкой напутствовал хозяин дома.

Все здесь было устроено так, будто Хуа Жун знал Чу Вэя до мельчайших привычек.

Белоснежная хлопковая пижама пахла свежестью и полевыми травами. Кровать была застелена мягким бельем мышиного цвета, а общая атмосфера спальни дарила абсолютный покой и умиротворение.

— Ты сам все это планировал? — тихо спросил Чу Вэй, боясь нарушить эту хрупкую гармонию.

В этот момент он чувствовал себя деревенским простаком, случайно попавшим в сказочный дворец.

Хуа Жун окинул комнату взглядом:

— Тебе не нравится?

— Ну что ты, очень нравится, — поспешно отозвался юноша. — Даже слишком. Мне кажется, я не заслужил такой роскоши.

В этот миг он впервые отчетливо ощутил огромную социальную пропасть между ними.

Чу Вэй всегда догадывался, что его интернет-друг не бедствует, но реальность превзошла все его самые смелые фантазии.

Глядя на сияющий внизу город, он впервые в жизни ощутил укол здорового честолюбия.

Хуа Жун неслышно подошел и встал рядом. Они молча созерцали раскинувшийся внизу океан огней.

Чу Вэй повернул голову и серьезно спросил:

— Что мне нужно сделать, чтобы стать таким же, как ты?

Мужчина посмотрел на него сверху вниз. В их встретившихся взглядах проскочило нечто глубокое, невыразимое словами.

Хуа Жун мягко улыбнулся:

— Тебе не нужно подражать мне. Ты пойдешь своей дорогой и добьешься куда большего.

Эти слова теплым потоком хлынули в душу Чу Вэй, мгновенно выжигая остатки неуверенности и страха.

Глядя на спокойное, благородное лицо мужчины, Чу Вэй не удержался:

— Знаешь... ты иногда так сильно напоминаешь мне моего Шифу.

В глазах Хуа Жуна промелькнули веселые искорки.

— И какой же он, твой Шифу?

При упоминании наставника лицо юноши словно осветилось внутренним светом, а на губах заиграла искренняя улыбка:

— Шифу — самый лучший, самый добрый человек на всем белом свете.

Мужчина ничего не ответил, лишь ласково потрепал его по волосам.

— Пора спать.

Чу Вэй опасался, что на новом месте его замучит бессонница, но стоило его голове коснуться подушки, как он мгновенно провалился в глубокий, безмятежный сон без сновидений. Даже в школьном общежитии ему не спалось так сладко — обычно ночь проходила в полузабытых медитаций.

Но эта ночь принесла ему абсолютный покой.

Проснувшись утром, Чу Вэй некоторое время лежал в прострации, пытаясь сообразить, где находится. Затем он соскочил с постели и босиком подбежал к окну, резко раздвинув тяжелые портьеры.

Комнату залил яркий, ослепительный солнечный свет. Зимнее солнце приятно согревало кожу через стекло, даря ощущение безграничного счастья.

Теперь Чу Вэй прекрасно понимал, почему Хайцзюнь так неистовствовал по поводу обустройства их скромной комнаты в общежитии. К хорошему привыкаешь мгновенно. От такой роскоши действительно трудно отказаться добровольно.

В примыкающей ванной комнате нашлось абсолютно все необходимое для утреннего туалета.

Умываясь перед большим зеркалом, Чу Вэй на мгновение замер. Ему показалось, будто в отражении промелькнул странный образ — словно эта роскошная, размеренная жизнь всегда принадлежала ему по праву рождения. Но видение растаяло так быстро, что он списал его на остатки утреннего сна.

Ополоснув лицо ледяной водой, он окончательно пришел в себя.

Стоило ему закончить со сборами, как раздался деликатный стук в дверь.

На пороге стоял Хуа Жун.

— Идем?

— Куда? — растерялся Чу Вэй.

Мужчина по-свойски взял его за локоть и увлек за собой вниз по ступеням:

— Для начала — завтракать.

Утренний стол ломился от всевозможных яств. Чу Вэй уплетал за обе щеки, пока не понял, что сыт по горло.

Единственное, что немного смущало его во время трапезы — это пристальный взгляд пожилого дворецкого в строгом черном костюме. Старик не просто наблюдал за ним, а делал это с какой-то невероятно теплой, почти отеческой улыбкой.

Под этим ласковым взглядом Чу Вэй почувствовал себя неловко и невольно начал жевать быстрее.

Сразу после завтрака Хуа Жун усадил его в машину и они отправились в путь. На все расспросы о цели поездки мужчина лишь загадочно улыбался, обещая грандиозный сюрприз.

Дорога заняла больше часа из-за предновогодних столичных пробок. Наконец автомобиль припарковался у огромных кованых ворот.

Чу Вэй прочитал светящуюся вывеску над входом и замер от изумления. Там значилось: «Столичный парк развлечений».

— Мы приехали... в луна-парк?

И этот человек еще утверждал, что не считает его ребенком! Притащить его в такое место — разве это не классический способ развлечь дитя? В представлении Чу Вэя подобные парки предназначались исключительно для семей с маленькими детьми. В его возрасте ходить по каруселям казалось глупостью.

Хуа Жун запер машину и увлек его к кассам.

Чу Вэй все еще робел:

— Но здесь же одни малыши. Зачем нам это?

Хуа Жун весело прищурился:

— Поверь, аттракционы любят все, независимо от возраста. К тому же на некоторые горки детей младше двенадцати вообще не пускают. Идем, сам все увидишь.

Чу Вэй огляделся по сторонам и вынужден был признать правоту спутника. Вокруг действительно было полно взрослых людей, особенно влюбленных парочек, трогательно державшихся за руки.

Юноша впервые оказался в подобном месте и чувствовал себя крайне неудобно. Ему было гораздо привычнее изгонять свирепых демонов или запечатывать проклятия, чем просто... развлекаться.

Поскольку они приехали к самому открытию, очереди в кассы еще не успели скопиться. Хуа Жун быстро вернулся с двумя билетами в руках.

Ожидая его у входа, Чу Вэй невольно зацепился взглядом за яркий рекламный плакат: «Лучшее место для свиданий! Скидка на парные билеты для влюбленных — пятнадцать процентов!»

Свидание?

Это слово почему-то показалось ему невыразимо горячим, обжигающим. Он поспешно отвел глаза, почувствовав странное смущение.

На контроле девушка-билетерша несколько раз пристально окинула его взглядом, отчего Чу Вэй забеспокоился, не испачкал ли он лицо или куртку.

— Почему она так на меня смотрела? — тихо спросил он, едва они прошли турникет.

Хуа Жун с самым серьезным видом повернулся к нему:

— Потому что ты очень красивый.

Юноша действительно выглядел очаровательно. Стройная фигура тонула в объемном черном пуховике, а пушистая белая опушка капюшона обрамляла его аккуратное личико, подчеркивая фарфоровую бледность кожи.

В его изысканных чертах сквозило благородное, холодное изящество. Благодаря многолетним духовным практикам от него веяло какой-то неземной, чистой аурой — настоящий юный небожитель, случайно спустившийся в мир смертных. Неудивительно, что прохожие то и дело оборачивались им вслед.

От неожиданного комплимента кончики ушей Чу Вэя мгновенно вспыхнули пунцовым цветом.

Ему и раньше доводилось слышать похвалы своей внешности, девочки в школе даже подбрасывали ему любовные послания, исписанные пышными комплиментами, но все это оставляло его абсолютно равнодушным. Но сейчас, когда эти слова сорвались с губ Хуа Жуна, в груди сладко екнуло, а к щекам прилил жар.

Чу Вэй поспешно отвернулся, стараясь скрыть смущение:

— Ты бывал здесь раньше? Расскажи, что тут самое интересное.

Хуа Жун покачал головой:

— Я тоже здесь впервые. Как насчет того, чтобы перепробовать все по очереди?

Чу Вэй проследил за его взглядом, устремленным на возвышающиеся вдали исполинские конструкции: гигантский маятник, башню свободного падения, петляющие американские горки и колесо обозрения... В его глазах вспыхнул азартный огонек.

— Идет! Опробуем всё.

Юности свойственна жажда адреналина и бесстрашие. Ни один подросток не устоит перед искушением бросить вызов высоте.

И Чу Вэй не был исключением. Каким бы взрослым и невозмутимым он ни казался в повседневной жизни, в глубине души он оставался всего лишь семнадцатилетним мальчишкой.

Хуа Жун слово сдержал — он безропотно следовал за ним от одного сумасшедшего аттракциона к другому.

Начали они с гигантского экстремального маятника.

Устроившись в кресле, Чу Вэй дождался, пока инструктор защелкнет тяжелую страховочную дугу, и с задорной улыбкой повернулся к спутнику:

— Страшно?

Хуа Жун покачал головой:

— А тебе?

Чу Вэй лишь победно вскинул подбородок. Ему ли, способному с легкостью перепрыгивать через заборы и взбираться на крыши, бояться какой-то карусели?

Но стоило маятнику взмыть в разреженную вышину, как его уверенность слегка пошатнулась.

От резкого падения и бешеной центробежной силы дух захватило так, что легкие сковал мгновенный спазм. Вокруг поднялся невообразимый визг.

В момент очередного стремительного пике Чу Вэй инстинктивно вцепился мертвой хваткой в предплечье Хуа Жуна.

Все-таки прыжки по крышам ощущались совершенно иначе...

— Если хочешь, можешь покричать. Помогает, — сквозь свист ветра отчетливо донесся до него спокойный голос мужчины.

Окружающие вопили во все горло — этот безумный, искренний крик, уносящий прочь все страхи, обиды и заботы, обладал невероятной, заразной силой.

Чу Вэй замялся на долю секунды, но не устоял.

— А-а-а-а!..

Он закричал во весь голос, словно выпуская наружу всю затаенную боль, разочарования и детские обиды, копившиеся в сердце долгие годы.

Это был ни с чем не сравнимый опыт.

Чу Вэй понял, что этот сумасшедший день навсегда врежется в его память.

Вслед за маятником они покорили башню свободного падения, прокатились на головокружительных горках и опробовали симулятор полета на дельтаплане. Чу Вэй больше не пытался казаться серьезным. Он отбросил маску сурового мастера и самозабвенно носился по парку, увлекая за собой Хуа Жуна. Наконец, уставшие, но безумно счастливые, они подошли к гигантскому колесу обозрения.

Столичное колесо обозрения считалось самым высоким в стране. Один полный оборот занимал почти час.

Поднимаясь все выше в закрытой стеклянной кабинке, Чу Вэй практически прильнул лицом к прозрачной стене, с восторгом разглядывая открывающуюся панораму.

Эмоции переполняли его через край, энергия бурлила в жилах.

Хуа Жун стоял чуть позади. Глядя на этого восторженного подростка, он снова протянул руку и ласково взъерошил его мягкие волосы.

— Тебе понравилось?

Чу Вэй резко обернулся, его глаза сияли неподдельным восторгом.

— Очень! Это лучший день в моей жизни!

Он действительно никогда так искренне не смеялся и не дурачился.

Кабинка достигла высшей точки. Земля осталась далеко внизу, а вместе с ней исчезли мирская суэта, шум толпы и глупые деревенские сплетни.

Нахлынувшее счастье внезапно отозвалось легкой, щемящей грустью в груди.

Чу Вэй отвернулся к стеклу и тихо, стараясь сохранить ровный голос, спросил:

— Почему ты решил привезти меня именно сюда?

Хуа Жун молча подошел ближе, разделяя с ним созерцание величественного города. В его глазах отражался хрупкий силуэт юноши.

И тихий, теплый голос мужчины мягко прозвучал в тишине кабинки:

— Я просто хотел, чтобы ты узнал, каково это — быть обычным, счастливым ребенком.

<http://bllate.org/book/19040/1955818>